

ДУША СВЕТА

осветителем, человеком, управляющим тысячеваттной аппаратурой, а затем — художником по свету, полноправным творцом спектакля.

Наш старый знакомый с микрофоном — художник по свету Леонид Иванович Зверев. Ровно десять лет назад он пришел в тюз монтёрщиком сцены, потом стал осветителем.

С одной стороны, задача его проста — зритель должен видеть все, что происходит на сцене (это так называемый простой, «бытовой» свет).

Но свет — это еще и художественный компонент спектакля, его образ зачастую такой же сложный и метафоричный, как и язык современного театра.

Один из любимых спектаклей Л. Зверева — «Король Матиуш Первый». Постановщик его, сближая историю короля-мальчика с трагической судьбой автора — польского педагога Януша Корчака, решает спектакль как драматическое представление, как последнюю игру детей из Варшавского дома сирот, погибших в газовых камерах Трелинки.

В этом идейном, художест-

венном решении спектакля свет Л. Зверева полноправно участвует в действии, ведет историю вперед, «раскручивая» события и картины.

Сотня мигающих разноцветных лампочек, злое веселье кабаре начинает спектакль. На чуть освещенной эстраде иступленно пляшет черный человек, рассказывающий свою страшную сказку.

Притихшие дети медлят начать игру, но темнота отступает, и веселый «игрушечный» свет заливают сцену. Свет китайских фонариков и Нового года. И вот уже в танце летят мальчишки-газетчики, крича о войне; а вот и сама война — с детскими паровозиками, дураком-генералом и выстрелами хлопушек. Разноцветный серпантин света ведет в той маскаральной армии маленьких солдат.

А сверху, с чуть заметного железного мостика, лениво бродит по сцене белый мертвый луч, патрулируя, не давая забыть зрителю, что место действия — Трелинка, что игра будет недолгой.

Зеленый луч бережно вводит в игру Грустного Короля с ли-

цом клоуна; слепое красное солнце рождает новую игру — в Африку, в охотников на бизона, в черного короля Бум-Друма.

Световой финал спектакля решен удивительно точно: исчезает цвет, белый ровный свет заливают сцену — игра закончена.

Л. Зверев работает трудно, сложно. Подолгу сидя на репетициях, когда еще нет декорации, глядя на эскизы художника, он вбирает в себя то неуловимое, из чего должен родиться образ-свет.

«Зверев мыслит категориями образными, как самостоятельный, сложившийся художник, — говорит главный режиссер театра. — При выпуске спектакля «Святая святых» о световом решении было сказано одно слово — «осень». И Зверев как художник вырастил в себе этот образ».

Свет образно решает тему осени не только как времени года, но и как пору зрелости, мудрости и красоты, покоя и буйства. Иными словами — как состояние человеческой души.

Работа с художниками Т. Сельвинской, С. Бенедикто-

вым, с режиссерами А. Бородиным, Ф. Берманом, А. Клоковым привила Л. Звереву высокую театральную культуру, понимание своего особого места в коллективном творчестве театра.

— В последнее время для меня все интереснее стало работать в спектаклях, где звучит музыка композитора В. Макарова, она мне многое дает, — говорит Леонид Иванович, — ведь музыка и цвет — это так взаимосвязано.

Чувство атмосферы спектакля, творческая импровизация характерны для работ Л. Зверева. Для него многое зависит от сегодняшнего настроения — своего, актеров, осветителей. Каждый спектакль идет по-новому, по-другому.

Работает Л. Зверев много, все увереннее, четче становится его почерк, все глубже овладевает он современными художественными средствами языка театра. Ставит свет в спектаклях Свердловского тюза, в Кировском народном театре кукол «Абориген», а в новом сезоне принимает в нашем театре творческую лабораторию художников по свету театров Волго-Вятской зоны.

М. УГАРОВ,
артист театра.

НА СНИМКЕ: художник по свету Леонид Зверев.

Фото Ю. Шипкина.

ВСПЫХИВАЕТ на сцене свет, и начинается спектакль. Но перед этим никем не замеченный на балконе выйдет человек, возьмет в руки микрофон и скажет негромко: «Свет!». И оживет глубокое,

темное пространство сцены.

Старинный ламповщик, фонащик, который за тем только и следил, не сильно ли коптит лампа на авансцене, с развешивающимся художественным языком театра стал называться